

«Сегодня в России кризис властной элиты»

ГОСТЬ ЯРОСЛАВЛЯ

Известный адвокат и член Общественной палаты РФ Генри Резник – высокий мужчина с поставленным голосом, который может, когда надо, звучать металлом, – представлял в судах интересы не только обычных людей, но и высшей элиты. Среди его клиентов были премьер-министр Узбекистана Н. Худайбердиев (по так называемому узбекскому делу), начальник службы безопасности президента СССР генерал Юрий Плеханов (по делу ГКЧП), журналисты Вадим Позгли, Андрей Бабицкий, Валерия Новодворская. Адвокат защищал президента России Бориса Ельцина, Анатолия Чубайса и Егора Гайдара, бизнесменов Владимира Гусинского, Бориса Березовского, музыкантов Николая Петрова, Юрия Темирканова... В минувшую среду Генри Резник побывал в Ярославле и дал интервью «Северному краю».

– Генри Маркович, кого бы из преступников вы как адвокат не стали защищать?

– Если бы я дал положительный ответ на этот вопрос, возникли бы сомнения в моей профессиональной состоятельности. На мне пробы ставить негде – я защищал бандитов, насильников и убийц, правда, в тот период они не были таковыми, а только обвинялись в этих преступлениях. Некоторые из них были оправданы – у меня здесь есть счастливая практика (я постуку по столу). Я, например, расстроен, что мне не удалось защищать Чикатило. Убежден, что он был душевнобольным, и, возможно, я бы смог убедить суд, что человек невменяем и его надо отправить в психиатрическую лечебницу.

– Но вы ведь кому-то отказывали в защите?

– Отказывал многим, у меня есть предел пропускной способности. Если я занят и не могу уделить другим необходимое время, я вынужден говорить «нет».

– Каков главный смысл профессии адвоката, если ему, судя по вашим словам, все равно, кого защищать?

– Честно зарабатывать деньги, которые кормят его и людей, от него зависящих. Я не буду здесь лицемерить. Есть три стимула занятия адвокатской деятельностью. Первый – гонорар. Мы от государства ничего не получаем и живем на те деньги, которые дает клиент. Понятно, что высокая оплата – это показатель престижа адвоката. Второе – профессиональный интерес. Третье – профессиональное честолюбие: громкое дело – твое имя звучит. Прекрасно, когда все три стимула совпадают. Это бывает не так часто. Я сегодня на таком уровне, когда профессиональный интерес превалирует над материальным. Не всегда так было.

– На вас когда-либо оказывалось давление?

– Давно было одно дело, по которому мне было высказано неудовольствие с очень большой высоты. Это был гражданский процесс, я представлял интересы известного бизнесмена, который подал иск на одного всемирно известного человека. До меня негативную реакцию донес журналист. И все. Представьте себе – ни по одному делу никогда в мой адрес не было ни угроз, ни шантажа. Говорят, на судей оказывают давление. Поймите, телефонные звонки судьям достаточно редки. Просто сам судья часто понимает, как действовать, чтобы остаться в должности.

– Как вы считаете, мы живем в правовом государстве?

– Нет. У нас не правовое государство и не тоталитарное. Я называю такое государство политическим. Его признак четко определил еще прокурор Вышинский: когда власти нужно решить какую-то важную проблему, она может отложить закон в сторону. А формула правового

маю наши органы прокуратуры, которые с большой неохотой расследуют эти дела и предъявляют такие обвинения. Экстремистские речи звучат на самом верху нашего истеблишмента. Когда с этими речами выступают губернаторы, законодатели, демонстрируют ролики по ТВ, разжигающие национальную рознь, никого к ответственности не привлекают. Поэтому наказывать в массовом порядке этих раздолбаев, которые орут «Россия для русских!», я считаю абсолютно неправовым действием.

Но я предупреждаю власти и

– Общество все громче требует возврата смертной казни. Как вы относитесь к этой проблеме?

– Я против. Смертная казнь не снижает уровень преступности, столетние наблюдения показывают, что преступность индифферентна по отношению к этому виду наказания. При этом создается ситуация несправедливых судебных ошибок. Смертная казнь ожесточает нравы и подтачивает принцип святости человеческой жизни. Единственное, чего она достигает, – удовлетворяет господствующий в обществе инстинкт справедливо-

У нас ведь в стране два «рыжих» – Чубайс и Березовский. Я очень уважаю Анатолия Борисовича, это мой любимец. Я представлял его интересы в спорах о защите чести и достоинства. К большому сожалению, к людям прилипает устойчивая репутация в общественном мнении, от которой уже никак не отделаться. Что бы сегодня ни сделал Чубайс, он всегда будет виноват. Но посмотрите – более эффективного и полезного человека для страны просто не было. Ведь не Чубайс придумал приватизацию, которая была одобрена Съездом народных депутатов. Им с Гайдаром надо памятник при жизни поставить за то, что они сделали в 90-е годы. У нас была реальная угроза голода и экономического коллапса, но они вывели страну из этого кризиса. Однако он все равно «рыжий».

И Березовский такой же «рыжий». Он обозначил себя как личный противник президента, выступает против Путина и чуть ли не грозит устроить здесь революцию. Уголовное дело в отношении Березовского было просто придумано. Я могу это сказать, потому что защищал его по делу «Аэрофлота», которое было сначала прекращено, а потом опять возобновлено. Зная английское правосудие, я спокоен за судьбу Березовского: думаю, что он не будет выдан России.

– Вы поступали когда-то на факультет журналистики, но не хватило одного балла. Сегодня вы не жалеете о том, что не стали журналистом?

– Нет, поскольку я реализовался в своих научных и публицистических работах. Моя карьера правоведа также удалась. О чем я действительно сожалею, так это о том, что не стал музыкантом. Я вырос в семье музыкантов, у меня абсолютный слух. Мама говорила, что в Саратове, куда семья выехала перед блокадой (отцу там предложили пост ректора консерватории), я в пять лет расставлял стулья и дирижировал. Я очень люблю музыку, у меня много друзей-музыкантов. Думаю, что здесь я бы реализовался очень полно, но не случилось.

– Откуда у вас такое редкое для России имя?

– Мама мне рассказала, что у нее был любимый персонаж в произведении Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» – лорд Генри. Он парадоксально мыслит и был остроумцем. Меня назвали в его честь.

– Ваш сын стал священником и живет в Ивановской области. Оказывает он на вас какое-то духовное влияние?

– Я его воспитывал как человека свободного, что было крайне сложно при советской власти. Сын полюбил Христа, стал священником. Мне с ним интересно общаться. Он очень вырос. Он подарил мне пять внучат. Я к нему обращаюсь «батьюшка».

– Как вы оцениваете будущее России?

– Все, что сегодня происходит в нашей стране, закономерно. Мы не можем жить так же, как западные развитые страны. Но мы избежали самого страшного – большой крови.

Сейчас не надо ждать, что кто-то что-то нам сверху сделает. Пора осознавать себя свободными и ответственными гражданами и не кивать на обособленность писателя Юрия Зверева «Он и она». В ней есть фраза: «Обстоятельства наши – говно, но если сам говно, то не вину обстоятельств».

Евгений СОЛОВЬЕВ

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

государства другая: если даже очень хочется, нельзя преступать и обходить закон. В государстве политическом ситуация обратная: преступать закон нельзя, но если очень хочется, то можно.

– Сейчас в России развернулась кампания, в том числе и с использованием правоохранительных органов, по борьбе с националистами и фашистами. Их везде ищут, пытаются привлечь к уголовной ответственности. При этом суд присяжных в Санкт-Петербурге не находит виновных в убийстве таджикской девочки...

– Ничего необычного нет в том, что суд присяжных оправдал человека, который обвинялся в нанесении единственного смертельного удара при групповом нападении. Суд посчитал, что прокуратура не представила достаточных доказательств его вины. В судах присяжных презумпция невиновности действует реально, а не номинально, как в обычных судах. Нам нужно оберегать суд присяжных, поскольку в истории правосудия ничего человечней не придумано. Дела в нем о наличии доказательств или их отсутствии решаются на основе здравого смысла и совести людей. Надо создавать всяческие условия, чтобы суды присяжных были ограждены от воздействия извне. Нужно строго спрашивать с судей, которые по заказным делам могут манипулировать присяжными. Если присяжные выносят, как потом выясняется, неправильный вердикт, то по большей части вина в этом профессиональных юристов, которые участвовали в процессе, а не самих присяжных.

Если говорить в целом о проблеме, в Уголовном кодексе есть статья 282, которая карает за разжигание межнациональной, расовой и социальной розни. Это норма УК РФ не для массового применения. Я прекрасно пони-

политиков: они могут доиграться с инстинктами толпы. Люди, которые их выбирают, на самом деле их ненавидят. Ситуация тревожная, просто надо смотреть вперед на 5 – 10 лет, а не назад. Если власти не будут жить интересами страны и не будут ответственными, опять, извините, прокакает Россию, как прокакала ее аристократия перед Октябрьской революцией.

– Какие негативные тенденции вы видите сегодня в развитии России?

– У нас популяционный кризис. Он выражается в острой демографической проблеме, нехватке трудовых ресурсов, кризисе властной элиты и морали в обществе. В России жуткий миграционный баланс. Салтыков-Щедрин в свое время писал, что в эту страну все приходит с опозданием на 20 лет. Когда в Европе была сексуальная революция, у нас секса не было. Все, что происходит сейчас во Франции, – погромы, бунты – будет происходить и в России, потому что у нас баланс миграции чудовищный. Уезжают образованные люди, приезжают полуграмотные из Средней Азии, Украины и Молдавии. Они заняты некачественным и тяжелым трудом, на который не идут россияне. Они строят, водят автобусы, работают в сельском хозяйстве, метут улицы.

Во Франции все это началось в 60-е годы. Французы с гордостью говорили: мы даем работу алжирцам и марокканцам. А сегодня дети этих мигрантов никак не могут встроиться в цивилизацию, которая создавалась столетиями, и выходят на улицу. Параллель между нашими странами абсолютно близкая, потому что Россия для окраин бывшей Российской империи – это как Франция для Марокко. Я считаю, что нужна ответственная политика. Но раз ее нет, мы можем констатировать кризис властной элиты.

сти. Но я не убежден, что подавляющее большинство населения действительно жаждет восстановления смертной казни.

– Какие дела вы сейчас ведете?

– Я вынужден ограничивать свою практику, поскольку немолодею и имею большую общественную нагрузку. Недавно принял защиту экс-министра атомной энергетики России Евгения Адамова. В суде защищаю физика Данилова, который, я полагаю, был абсолютно несправедливо признан виновным в государственной измене. Есть еще пара дел в производстве. К великому сожалению, не могу себе позволить «сесть» в такое дело, как дело Ходорковского, когда я был бы выключен из жизни на полгода.

– Сейчас вокруг Михаила Ходорковского разворачивается много драматических событий. Недавно его порезали в зоне, потом обвинили чуть ли не в сексуальных домогательствах к сокамернику...

– Если власти руководствуются здравым смыслом, то они должны так оберегать Ходорковского, чтобы волос не упал с его головы. Что бы там ни произошло, какой бы там понос, предположим, ни случился у него, все это будет записано на счет происков Кремля.

– Как далеко может пойти власть, чтобы «решить вопрос» с врагом режима Борисом Березовским? Каковы перспективы его экстрадиции в Россию?

– Борис Абрамович – политический конструктор. Он сконструировал приход к власти Бориса Ельцина на второй срок в 1996 году, содействовал во многом приходу Владимира Путина на пост президента. Но, по моему, ему все же интеллект изменил, потому что, я думаю, любой преемник Ельцина вынужден был бы от него дистанцироваться.